
СОНЕТЫ МАКСИМА БОГДАНОВИЧА

О.И. Федотов

Московский институт открытого образования
Авиационный пер, д. 6, Москва, 125267

А.О. Шелемова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, д. 10/2, Москва, 117198

В статье анализируются оригинальные сонеты Максима Богдановича — пять стихотворений на белорусском языке и одно — на русском. Единственный русский сонет тяготеет к жанровой разновидности «сонета о сонетах». Его цель — осмыслить изнутри новую для белорусской поэзии жанрово-строфическую форму. Белорусские же сонеты репрезентируют пять основных тематических векторов поэзии Богдановича: гражданский пафос, восхищение родной природой, мотив поэта и поэзии, вечную тему любви и проблему урбанизма. Осуществление творческого замысла, направленного на обогащение родной литературы традициями классических художественных систем, привело к весьма нетривиальным результатам в поэтических исканиях Максима Богдановича, успешно внедрявшего в младославянскую поэзию вечные темы и универсальные жанрово-строфические формы.

Ключевые слова: сонеты, жанрово-строфическая форма, овладение мастерством, тематическое своеобразие, циклизация

Большую часть своей короткой жизни волей судьбы и обстоятельств Максим Богданович прожил в России. В российской земле он обрел и вечный покой. На его могиле в Ялте недавно был установлен памятник.

Но сердце поэта безраздельно принадлежало его горячо любимой Беларуси. Можно лишь удивляться тому неизбежному чувству родины, благодаря которому большую часть своих произведений он написал по-белорусски, хотя и русским языком владел столь же свободно. Диалектика его творчества свидетельствует о страстном стремлении приобщить набирающую сил белорусскую поэзию к нетленным сокровищам классической древности и к новейшим достижениям современных ему поэтов, как в России, так и на Западе. Этим в первую очередь можно объяснить беспрецедентную широту творческих запросов и интересов молодого поэта, совершенствовавшего свое мастерство. Среди его учителей-кумиров были Гораций и Овидий, Данте Алигьери и Шекспир, Шиллер и Гейне, Пушкин и Фет, Верлен и Верхарн, Блок и Брюсов. А какое разнообразие жанровых и версификационных форм отразилось в его «Венке»! В цикле «Старая спадчына» задействованы элегический дистих (пусть и не совсем адекватно обозначенный как «Пентаметры»), сонеты, триолеты, рондо, октавы и терцины. Пробовал он свои силы в верлибре и — по образцам Горького и А. Белого — в метрической прозе.

Особый интерес вызывают сонеты Богдановича, написанные в пору повального увлечения этой жанрово-строфической формой в русской литературе. В срав-

нительно небольшом корпусе его стихотворных произведений, опубликованных в I томе Полного собрания сочинений [1], содержится пять оригинальных сонетов на белорусском языке: «Санет» («Паміж пясцоў Егіпецкай зямлі...»), «У Вільні» («Ліхтарняў свет у сіняй вышыне...»), «Санет» («Замёрзла ноччу шпаркая крыніца...»), «Санет» («На цёмнай гладзі сонных луж балота...») и «Санет» («Прынадна вочы ззяюць да мяне...»); один сонет на русском языке: «Сонет» («Что из того, что стих в душе кипит...»); шесть сонетов переводных, из них три — с французского на белорусский: «Шынок» («Ўжо кроўю ногі пыл шасы гарачай росяць...»), перевод сонета Поля Верлена “L’Auberge” (“Murs blancs, toit rouge, c’est l’Auberge fraîche au bord...”), «Млоцнасць» («Я — падупаўшы Рым, каторы пазірае...»), перевод сонета Поля Верлена “Lanqueur” (“Je suis l’Empire à la fin de la décadence...”), «Санет» («Я тайну ў глыбіні душы хаваю...»), перевод сонета Алексиса-Феликса Арвера “Imite de l’italien”, более известного под заголовком “Sonnet d’Arvers” (“Mon âme a son secret, ma vie a son mystère...”); один с французского на русский: «Святую тайну глубь моей души скрывает...» (перевод упомянутого стихотворения Арвера); два с белорусского на русский: «Жниво» («Созревших хлебов золотые посевы...» (перевод сонета Я. Купалы «Жниво») и «Для тебя, отчизна предков моих...» (перевод стихотворения Я. Купалы «Для зямлі прадзедаў маіх...»). Наконец, условно можно было бы считать дериватом сонета перевод стихотворения Т. Шевченко «В неволі тяжко, хоча й волі...», если бы Богданович не был строгим ревнителем сонетного канона (1).

Три своих самых «ударных» сонета поэт снабдил эпиграфами, свидетельствующими о высоких эстетических достоинствах строфы, у истоков которой были Данте и Петрарка. Когда дело касалось не вполне еще привычной для белорусской поэзии жанрово-строфической формы, ссылка на общепризнанные авторитеты была весьма и весьма актуальной. В сонете «Паміж пясцоў Егіпецкай зямлі...», посвященном русскому филологу А.Л. Погодину, с большой симпатией относившемуся к белорусской культуре и творчеству Богдановича, приводится стих из «Поэтического искусства» Н. Буало “Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème...” («Поэму в сотни строк затмил Сонет прекрасный...»). В другом белорусском сонете «На цёмнай гладзі сонных луж балота...» задействована не менее знаменитая выдержка из Шарля Огюстена Сент-Бева: “Ne ris point du sonnet, o critique moqueur...” (букв.: «Не смейся над сонетом, о насмешливый критик...»), которую косвенно воспроизвел Пушкин в своем «сонете о сонете» (2). Наконец, в единственном своем сонете, написанном по-русски, включенном в цикл «Старинное наследство», Богданович возвращается к самому для него дорогому и незыблемому авторитету — Пушкину, точнее, к начальной строке его сонета о сонетистах: «Суровый Дант не презирал сонета...». Тем самым он присоединился к мощной традиции в русской сонетиане, начало которой положил пушкинский шедевр. Сонетов, начинающихся знаменитой строкой либо так или иначе обыгрывающих ее, чаще всего в виде эпиграфа, в русской поэзии набирается не менее двух десятков (3).

Жанрово-тематическое разнообразие сонета общеизвестно. Среди самых колоритных его модификаций в интересующем нас аспекте метапоэтики выделяется сонет о сонете [2. С. 205; 3. С. 142—152]. Его представляют два традиционных

вида: во-первых, собственно сонет о сонете, повествующий или о его структуре, или о процессе (обычно трудном) его написания; во-вторых, сонет о сонетистах, прославляющий мастеров, выстраивающий их корифейный ряд или порицающий ремесленников (4). К какому же из них относится сонет Максима Богдановича?

Что из того, что стих в душе кипит?
Он через холод мысли протекает
И тут лишь твердость мысли обретает,
Как воск, что при гаданье в воду влит.
Поэт всегда обдуманно творит.
В тот миг, когда вал чувства грудь вздымает,
С мерилом ум холодный выступает:
Он взвесит все, проверит, расчленил.
Таков и ты, чертящий над землею
Ночное небо яркою дугою,
Блестящий, золотистый метеор.
Горишь ты, оплавляешься, несешься
Весь в искрах огневых за кругозор,
А глубине холодным остаешься [1. С. 342].

Если не считать эпитафии, никто из корифеев сонета тут даже не упомянут. Таким образом, сонет Богдановича, казалось бы, однозначно следует отнести к первой разновидности. Но дело в том, что собственно о сонете как таковом в нем тоже напрямую речь не идет. В первой, катренной, части Богданович декларирует свои воззрения на философскую лирику в целом, противопоставляя горячую страсть кипящих в душе чувств холодной обдуманности их художественного воплощения. 5-й стих «Поэт всегда обдуманно творит» будто взят на прокат из «Поэтического искусства» Буало (ср.: «Так будет смысл всего дороже вам, / Пусть блеск и красоту лишь он дает стихам!») [4. С. 57]. С другой стороны, Богданович здесь поразительно солидарен с Брюсовым, считавшим сонет «идеальной формой поэтического произведения вообще» и именно в «Сонете к форме» (5) воплотившим свой эстетический идеал: «Есть тонкие властительные связи / Меж контуром и запахом цветка / Так бриллиант невидим нам, пока / Под гранями не оживет в алмазе. // Так образы изменчивых фантазий, / Бегущие как в небе облака, / Окаменев, живут потом века / В отточенной и завершенной фразе» [5. С. 34].

Логика подсказывает, что именно в сонетной форме, расчисленной вплоть до количества слогов, логическое обуздание чувства получает наибольшие преференции. Терцетная часть сонета Богдановича, однако, вызывает еще более жгучий интерес. Оказывается, она имеет белорусский аналог в составе белорусского же сонета 1914 г. «Прынадна вочы ззяюць да мяне...»: «Так, іншы раз, над соннаю зямлёю / Агністаю дугою залатою / Прарэжа цемень яркі метэор. // Гараць ён, іскры сыпе і нясёцца, / Блискаючы мацней ад ясных зор, — / А ў глыбіні халодным астаёцца» [1. С. 270]. Вот так парадокс! Один и тот же образ, в одном случае предикат, а в другом — предмет сравнения, обслуживает два сонета разной жанровой и тематической ориентации. Русский сонет развивает философский и эстетический дискурс, белорусский — откровенно любовный. Однако и в том и в другом случае налицо антиномия «горячего» и «холодного». В русском варианте, как уже

отмечалось, «кипящий в душе» стих отвердевает пропущенный через «холод мысли» с привлечением яркого образного параллелизма фольклорного происхождения: «Как воск, что при гаданьи в воду влит». В белорусском же варианте кровь «горячей волной» устремляется к сердцу, но холодный рассудок предостерегает: а вдруг «это жар, пылающий для “згубы”, что “прячет стужу под собой на дне”»? Поэтому заключительные шесть стихов о метеоре с равным успехом завершают развитие лирической темы в обоих произведениях. Типологически, а возможно и генетически заключенная в них образная картина восходит ко II-му и XII-му «Крымским сонетам» Адама Мицкевича:

O morze! pośród twoich wesołych żyjątek
Jest polip co śpi na dnie gdy się niebo chmurzy,
A na ciszę długiemi wywija ramiony.

O myśli ! w twojej głębi jest hydra pamiętek,
Co śpi wpośród złych losów i namiętnej burzy;
A gdy serce spokojne, zatapia w niem szpony.

O море! среди живчиков твоих веселых
Есть полип, спящий на дне, когда небо в тучах,
А при штиле — расправляющий длинные плечи.

O мысль! в твоих глубинах есть памяти гидра,
Что спит в годину страстей и невзгод злосчастных,
Когда же спокойно сердце, вонзает когти [б. С. 580].

Usypiam pod skrzydłami ciszy i ciemnoty;
Wtem budzą mię rażące meteoru błyski,
Niebo, ziemię i góry oblał potop złoty!

Nocy wschodnia! ty nakształt wschodniej odaliski,
Pieszczotami usypiasz, a kiedym snu bliski,
Ty iskrą oka znowu budzisz do pieszczoty.

Крылата тишина. Я засыпаю.
От блеска просыпаюсь метеора,
Облившего все золотым потопом!

O ночь восточная! Ты одалиска,
Что ласками искусно усыпляет,
Чтоб тут же разбудить для новой ласки [б. С. 590] (6).

Конечно, разночтения довольно велики: польский поэт в большей мере актуализирует ночную мглу и яркость осветившего ее метеора, а белорусскому — дороже разница температур, но в обоих случаях сравнения одинаково эффективно работают для выражения как любовной, так и философской коллизии.

Самый же интригующий вопрос оставим напоследок: в каком порядке были написаны оба сонета? Известно, что рукописный сборник «Зеленя» был составлен из авторских переводов 22 стихотворений поэта для его двоюродной сестры Анны Ивановны Гапанович, недостаточно хорошо понимавшей по-белорусски.

Условно они датируются 1909—1913 гг. В таком случае белорусский текст «Прынадна вочы ззяюць да мяне...» должен был предшествовать русскому, но он датируется годом публикации — 1914, т.е. оказывается позднейшим, хотя и отчасти — по крайней мере в катренах — самостоятельным текстом. Вероятнее всего, сонет «Что из того, что стих в душе кипит...» изначально был задуман по-русски. Написав первую катренную часть, Богданович, возможно, увидел, что финал недавно написанного любовного сонета легко может стать заключительным аккордом не только для стихотворения, выражающего его творческое кредо, но и для всей созданной им сонетианы (7).

И все же сердцевину сонетианы Богдановича составляют его стихотворения, написанные на родном белорусском языке, которые благодаря пусть и довольно свободному тематическому единству и принадлежности к уникальной в то время для белорусской поэзии отмеченной жанрово-строфической форме можно рассматривать как своеобразный лирический цикл.

Пять белорусских сонетов удивительным образом предопределили пять основных тематических векторов поэзии Богдановича, исходящих из круга проблем социальной и духовной жизни человека. Гражданским пафосом пронизано стихотворение «Паміж пясцоў Егіпетскай зямлі»; родная природа живописуется в сонете «На цёмнай гладзі сонных луж балота». Мотив «поэта и поэзии» раскрывается в концептуальном «Замёрзла ноччу шпаркая крыніца», а «вечная» тема любви — в интимном «Прынадна вочы ззяюць да мяне». Наконец, еще один сонет «У Вільні» актуализирует новый для белорусской поэзии того времени урбанистический мотив.

Весь сонетный цикл Богдановича являет собой эталон канонизации жанрово-строфической формы в ее классическом варианте. В небольшой теоретико-исторической заметке о сонете он выступил против всяческих *licentiis poetis* (поэтических вольностей), против допущения любых нарушений «застывшей», «отвердевшей», «выкристаллизованной» структуры сонета. Поэт ратовал за строго организованный порядок в сонетной системе, полагая, что «рознымі тэарэтыкамі пісьменнасці развіваліся не зусім адзінакавыя пагляды на дзе якія бакі гэтай краснай формы. Але ўсё ж-ткі было ў ёй і некалькі рэчаў, пад каторыя ніхто не прабаваў падкапацца, бо разам з імі рухнуў бы і ўвесь стройны санетны гмах» [7. С. 193]. Весьма красноречивы высказывания белорусского теоретика сонета о формально-строфической организации классического четырнадцатистишия: «Першыя восем строк санета скаваны між сабой ланцугом адзінакавых рыфм... звернуты ў нейкі паэтычны маналіт... Новыя рыфмы павінны зрабіць глыбокую трэшчыну паміж гэтымі кавалкамі і ўсім астатнім. Значыцца, санетная форма распадаецца на дзве асобныя часці, што *вымагае і ад зместу* кожнай з іх як *скончанасці*, так і *незалежнасці*... Пэўна напісаны санет, быццам арэх-спарыш, павінен хаваць пад адной скарлупой два асобныя, хоць і шчыльна сціснутыя між сабой ядры» [7. С. 193—194] (8). Прилежно соблюдая подобную внутреннюю архитектуру стиха, Богданович в катренах задавал тему сонета, а в терцетах раскрывал ответ на поставленный вопрос. Пожалуй, только сонет «У Вільні» оказался исключением из правила. И еще одно требование строго соблюдалось поэтом: ни единое слово в его «образцовых» текстах не должно было употребляться дважды.

Формально-содержательным обогащением гражданской темы в белорусской поэзии, несомненно, стал сонет «Паміж пясцоў Егіпетскай зямлі». В отечественной литературе первого десятилетия XX в. патриотическое слово было доминирующим. Голос Богдановича зазвучал не менее энергично рядом со старшими, более именитыми Янкой Купалой и Якубом Коласом. Поэтическая изобразительность гражданской лирики этого периода — следует признать данный факт — была сведена до минимума приоритетами реалистического трибунного слова. Свободолюбивая лирика и Купалы, и Коласа, и Богдановича преисполнена гражданским оптимизмом. Но если у первых она — открыто публицистическая, насыщенная риторическими и императивными лозунгами-призывами, то Богданович свои патриотические чувства мог высказать и стихами, написанными в форме сонета:

Паміж пясцоў Егіпецкай зямлі,
Над хвалямі сінеючага Ніла,
Ужо колькі тысяч год стаіць магіла:
У гаршку насення жменю там знайшлі.
Хоць зернейкі засохшымі былі,
Усё ж такі жышчэвая іх сіла
Збудзілася і буйна ўскаласіла
Парой вясенняй збожжа на раллі.

Вось сімвал твой, забыты краю родны!
Зварушаны нарэшце дух народны,
Я верую, бясплодна не засне,
А ўперад рынецца, маўляў, крыніца,
Каторая магутна, гучна мкне,
Здалеўшы з глебы на прастор прабіцца [1. С. 137].

Символ веры у Богдановича — зерно, природная сила которого столь мощна, что способна расцвести щедро колосящейся нивой. Так в изысканной сонетной форме выразилась патриотическая мысль автора о судьбе родной земли. Художественное воплощение столь сложной темы исключительно оригинально. Богданович эффектно использовал экспрессию развернутого метафорического сопоставления не с привычным белорусскому взгляду ландшафтом, где «лес, болото и песок», где родной, известный каждому омутом и водоворотом, каждой отмелью кормилец Неман, а с неведомой Египетской землей, омываемой волнами загадочного Нила. Обращаясь к нетривиальной символике в «непривычном» сонетном облики, поэт «выводил» отечественную социально-гражданскую лирику из пределов замкнутого круга устоявшихся в реализме жанровых и стилистических канонов.

«Пейзажные» катрены сонета «Замёрзла ноччу шпаркая крыніца» содержат размышления о духовной потребности героя воссоединиться с внешним миром. А это устремление неизбежно втягивает творческую личность в конфликт общественного противостояния, суть которого резюмируется в терцетах. Судьба поэта уподоблена замерзшему в зимнюю стужу ручью, скованному «без движения и следа» под бременем льда и снега: «Замёрзла ноччу шпаркая крыніца / Твая пара, зімовая нуда! / Цяпер няма ўжо руху, ні сляда, / І нават зверху слоём снег лажыцца...». Но внутри не напрасно «струіцца магутная, жывучая вода», стремя-

щаяся «хваляю хорам» «на вольный свет прабіцца» [1. С. 248]. Автор демонстрирует вполне определенную художественную позицию, акцентируя не столько социальную проблему, сколько собственное чувство переживания этой проблемы, преломляя его через внутренний мир лирического героя: «Прыклаў я гэты сімвал да сябе, / Схіліўшыся ў надсільнай барацьбе, / І разгадаў прыроды роднай словы...» Финальный терцет замечательно завершает сонет интригующим лирическим умолчанием: «Як — прамаўчу, бо кожны з вас — паэт. / Рассейце ж самі лёгкі змрок прамовы, / Сваёй душы туды праліце свет!» [1. С. 248].

Еще одно стихотворение украсило сонетный цикл Богдановича — «На цёмнай гладзі сонных луж балота», где в пейзажном контексте актуализируется принцип амбивалентной поэтизации прекрасного и безобразного:

На цёмнай гладзі сонных луж балота,
За снег нябёснай вышыні бялей,
Закрасавалі чашачкі лілей
Між пачарнеўшых каранёў чарота.
Укруг плесня, бруд, — разводзіць гніль спякота,
А краскі ўсё ж не робяцца гразней,
Хоць там плыве парою слізкі змей,
І ржаўчына ляжыць, як пазалота.
Цяпер нават здаволена багно:
Гніль сотні год збіраючы, яно
Смуроднай жыжкаю ўздавала
Цвятоў расісых чыстую красу.
Маліся ж, каб з літоўнасці стрымала
Тут смерць сваю нязвонкую касу [1. С. 138].

Уродливости темного болота — грязного, гнилого, заплесневевшего, с почерневшими корнями камыша — противопоставлена чистая красота белых лилий. Антонимия цветовых эпитетов (темная гладь болота — белый снег небесной высоты; черные корни камыша — белые чашечки лилий) создает визуальный эффект контраста прекрасного и безобразного в природе. Однако этим не исчерпывается глубинная мысль стихотворения: внешне красочная натуралистическая зарисовка преломляется через внутреннее зрение лирического героя. Рядом с эпитетами-цветообозначениями, акцентирующими антитезу «прекрасного-безобразного», используется в высшей степени нетривиальное сравнение-колоратив *ржавчина, как позолота*. Воспевая «высокую красу», поэт стремится эстетически оправдать и «некрасивость», найти хотя бы толику привлекательного в... безобразном. Каноническая антитеза трансформируется в оксюморонный прием изображения «безобразной красоты». Болото предстает действительно красивым своей некрасивостью, преобразившейся пользой: годами накапливая грязь, оно в вонючей жиже взрастило *чистую красу*. Некрасивое, оно помогает расцвести красоте и тем прекрасно само! Безобразна только смерть, уничтожающая красоту во всех ее проявлениях. Так лирическое переживание пейзажа в завершающем терцете органично перетекает в философское размышление о жизни и смерти.

Пейзажные образы у Богдановича — символы жизни, вечного обновления в природе. Болото гниет, чтобы вырастить цветок; цветок увядает, чтобы дать семя;

зерна прорастают, чтобы колосилась нива... За неизбежным кругом вновь ожидает неизбежное. Но смерть не побеждает жизнь, потому что жизни помогает любовь, — провозглашает Богданович в поэтическом цикле «Любовь и смерть», включающем сонет «Прынадна вочы ззяюць для мяне».

Любовь для молодого поэта — прекрасная мечта, которая вряд ли осуществится, потому что не суждено ей родиться в «больной груди». Эта мечта воплотилась в лирических строках цикла, хотя, разумеется, не всегда интимные исповеди героя адекватны переживаниям самого автора. Нередко любовные стихотворения Богдановича — это стилизации под народную песню или «жестокий» романс. Таковым является и «Прынадна вочы...», написанное в форме сонета, но по своему содержанию и художественно-образительному воплощению больше напоминающее романс, перекликаясь со знаменитым, положенным впоследствии на музыку, романсом «Зорка Венера» и не менее известным триолетом «Мне доўгае растанне з Вамі». В сонете лирический герой в соответствии с канонами «жестокого» романса, разуверился в искренности чувств возлюбленной. Внешние проявления страсти («Мо гэта жар, палаючы для згубы, / Хавае сцюжку пад сабой на дне?») сравниваются с пролетом метеора: «Гарыць ён, іскры сыпе і нясецца, / Бліскаючы мацней ад ясных зор, — / А ў глыбіні халодным астаецца» [1. С. 270]. В романсе «Зорка Венера» влюбленный, страдая от предстоящей разлуки, уповает на «астральную» близость с любимой: «Кожную ночку на зорку дзівіцца / Буду ў далёкім краю. / Глянё іншы раз на яе — у растанні / Там з ёй зліём мы пагляды свае...» [1. С. 77]. И в сонете, и в романсе ощущается легкий иронический подтекст: поэтический идеал обнаруживает определенную условность, недостаточность, несостоятельность. Наиболее характерно этот прием выявляется в триолете:

Мне доўгае растанне з Вамі
 Чарней ад Вашых чорных кос.
 Чаму ж нядобры час прынёс
 Мне доўгае растанне з Вамі.
 Я пабяднеў ад горкіх слёз
 І трылет пачаў славамі:
 Мне доўгае растанне з Вамі
 Чарней ад Вашых чорных кос [1. С. 255].

Надолго ли разлука с возлюбленной? Может на год, а может и на час. Ведь для влюбленного человека каждый час (*«недобрый!»*) — что год. Переживание времени лирическим героем субъективно-относительно. Это подчеркнуто и шутивным пассажем «Я *побледнел* от горьких слез / И *триолет* начал словами» (9), передающим через насмешливо-легкую инструментовку лексики и интонации момент сиюминутности разлуки, кажущейся долгим расставанием.

Последний сонет Богдановича «У Вільні» являет собой воплощение чисто реалистической картины буржуазного города:

Ліхтарняў свет у сіняй вышыне...
 Вітрынамі зіяючыя крамы,
 Кавярні, мора вывесак... як плямы,
 Анонсы і плакаты на сцяне.

Кіпіць натоўп на жорсткім вулак дне!
Снуюць хлапцы, суюшчыя рэкламы...
Разношчыкі крычаць ля кожнай брамы...
Грук, гоман, гул — усё ракой імкне.

А дальш — за радам кас, ламбардаў, банкаў —
Агні вакзала... павадка фурманкаў..
Віры людзей, сіпячы паравоз...

Зялёны семафор... пакгаузы... склады...
Заводаў коміны пад цьмой нябёс...
О, горада чароўныя прынады! [1. С. 97].

Поэтическая панорама представляет собой подробное описание конкретных урбанистических реалий, скрупулезное перечисление характерных деталей быта. Однако общая атмосфера кипучей городской жизни передается синкретически как объективно-субъективное отражение этих реалий. Перед нами не только материальные приметы города, но и световые (свет фонарей в синей высоте; огни вокзала) цветовые (зеленый семафор), акустические (разносчики кричат; стук, гомон, гул; сипящий паровоз), пластические (кипит толпа; паводок бричек («фурманкаў»); водовороты («віры») людей), кинетические (снуют мальчишки). Богданович открывает своеобразную красоту города, который для него был, как и для Брюсова, «чарователем неустанным».

Внешне очарованный городом, поэт, однако, помнит и о его внутренней сути, о противоречии богатства и бедности, бурлящем в нем. Блеск реклам и витрин не ослепляет лирического героя: он видит оборотную сторону города, с «жестоким улиц дном», где, как сказано в другом стихотворении, «горят огоньком глаза измученных лиц» («Вулкі Вільні зіяюць і гулка грымяць») [1. С. 96]. За внешним лоском города скрыта иная его ипостась, порожденная социальными контрастами. Чувство «раздвоенности» передается фонетической инструментровкой, насыщением текста «тревожными» звуками [р], [п], [б], [г], синтаксической «разорванностью» речевого потока семантически значимыми многоточиями. В данном случае Богданович, используя сонетную форму, сделал попытку осмысления материального и духовного начала, когда лирический субъект, утратив чувство первоначальной цельности бытия, пребывает в состоянии внутреннего противоречия с реальным миром.

Таким образом, осуществление творческого замысла, направленного на обогащение родной литературы традициями классических художественных систем, привело к весьма нетривиальным результатам в поэтических исканиях Максима Богдановича, успешно внедрявшего в «младославянскую» поэзию «вечные» темы и универсальные жанрово-строфические формы, что позволило талантливому поэту соединить лучшее, выработанное эстетическим опытом человечества, с национальной культурой.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Стихотворение написано между 19 и 30 мая 1847 г. в Санкт-Петербурге. Количество стихов и схема его рифмовки (AbbAAbCCeeFFee) свидетельствуют о первоначальном намерении

написать сонет, но поскольку оригинал к этому не располагал, переводчик скорее всего от него отказался.

- (2) Имеется в виду стихотворение Пушкина «Суровый Дант не презирал сонета...». Обратившись к сонету английского поэта Уильяма Вордсворта “Scorn not the sonnet, critic...” и процитировав начало его первой строки, Пушкин, конечно, учитывал и отклик на него французского поэта, между прочим, по совместительству критика.
- (3) См. подробнее: Федотов О.И. Сонет. М., 2011; Федотов О.И. Сонеты о сонетах и сонетистах // Константин Герасимов. Возвращение. Тбилиси, 2011.
- (4) Уникальный прецедент такого рода можно усмотреть в сонете Сумарокова с пространным заголовком: «Сонет нарочито сочиненный дурным складом для показания того, что есть ли мысль изрядна, стихи порядочны, рифмы богаты, однако при неискusstном, грубом и принужденном сложении все то сочинителю никакого плода кроме насмешства не принесет» («Вид, богиня, твой всегда очень весь всем нравный...»).
- (5) Этот сонет вполне мог послужить для Богдановича образцом, на что указывают схожие образные ходы, композиция и пафосная тональность обоих произведений. Много общего обнаруживают и теоретические суждения о сонете у Брюсова [11; 4. С. 192—198] и Богдановича [12. С. 193—194].
- (6) Сонеты А. Мицкевича цитируются в оригинале и переводе О.И. Федотова.
- (7) Благо, и рифмы в текстах, написанных на двух близкородственных языках, практически совпадают: автоперевод получился почти дословный.
- (8) Соответственно на две части — в восемь и шесть стихов — Богданович членит три из шести своих оригинальных сонетов и графически; исключение составляют: «У Вільні» и «Прынадна вочы ззяюць да мяне...» с классической разбивкой на два катрена и два терцета, а также «На цемнай гладзі сонных луж балота...», в котором все 14 стихов идут сплошным текстом.
- (9) Этот триолет представлен у Богдановича в двух вариантах: на белорусском и русском языках [1. С. 344].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Багдановіч Максім*. Поўн. зб. твораў: у 3 т. 2-е выд. Мінск: Бел. Навука, 2001. Т. 1. 752 с.
- [2] *Бехер И.Р.* Философия сонета, или Малое наставление по сонету. (Опыт) // Бехер И.Р. О литературе и искусстве. М.: Художественная литература, 1981. С. 407—432.
- [3] *Касаткина Г.Г.* Поэтика жанра «сонет о сонете» и сонет Джона Китса // Проблемы метода и жанра в зарубежной литературе: Межвузовский сборник научных трудов. М.: Прометей, 1985. С. 71—74.
- [4] *Буало Никола*. Поэтическое искусство / Пер. Э. Линецкой. М.: Художественная литература, 1957.
- [5] *Брюсов В.* Избранные сочинения: в 2-х т. Т. I. Стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1955. 750 с.
- [6] *Мицкевич Адам*. *Cisza morska* (Штиль); *Alushta w nosy* (Алушта ночью) // Федотов О.И. Сонет. М.: Изд-во РГГУ, 2011. 601 с.
- [7] *Багдановіч Максім*. Поўн. зб. твораў: у 3 т. 2-е выданне. Мінск: Бел. Навука, 2001. Т. 2. 600 с.
- [8] *Брюсов В.* <Рец. на кн. Стихов:> Нелединский Вл. Томление духа: Вольные сонеты. Пг., 1916 // «Биржевые ведомости» от 9 сент. 1916.

SONNETS OF MAKSIM BAH DANOVICH

O.I. Fedotov

Moscow Institute of open education
Aviacionnyj per., 6, Moscow, Russia, 125267

A.O. Shelemova

People' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

In article original sonnets of Maxim Bogdanovich — five poems in the Belarusian language and one — in Russian are analyzed. The only Russian sonnet gravitates to a genre kind of “the sonnet about sonnets”. Its purpose — to comprehend from within a genre and strophe form, new to the Belarusian poetry. The Belarusian sonnets represent five main thematic vectors of poetry of Bogdanovich: civil pathos, admiration of the native nature, motive “poet and poetry”, “eternal” subject of love and updating of urbanism. Implementation of the creative plan directed on enrichment of native literature by traditions of classical art systems led to very uncommon results in poetic searches of Maxim Bogdanovich who was successfully introducing “eternal” subjects and universal genre and strophe forms in “yoingslavic” poetry.

Key words: sonnets, the genre and strophic structures, mastering skills, thematic originality, cyclization

REFERENCES

- [1] Bogdanovich Maksim. Poun. zb. tvorau: u 3 t. [Complete works: in 3 volumes.] Minsk: Bel. navuka, 2001. V. 1, 752 p.
- [2] Becher I.R. Filosofija soneta, ili Maloje nastavlenie po sonetu (Opyt) // *Becher I.R. O literature i iskusstve [Philosophy of sonnet, or Small manual according to the sonnet (Experience)]* // About literature and art. Moscow, 1981. Moscow, 1981, pp. 407—432.
- [3] Kasatkina G.G. Poetika žanra “sonet o sonete” i sonet Džona Kitsa // *Problemy metoda i žanra v žarubežnoj literature — Mežvuzovskij sbornik nauchnyh trudov*. M.: Izdatelstvo “Prometej” [Poetic of a genre «the sonnet about the sonnet» and John Keats’s sonnet] // Problems of a method and a genre in foreign literature: Interuniversity collection of scientific works. Moscow], 1985, pp. 71—74.
- [4] Bualo Nikola. Poeticheskoe iskusstvo / Per. E. Lineckoj. M.: [Poetic art. Translated by E. Linetskaya]. Moscow, 1981, 1957, pp. 55—107.
- [5] Brjusov V. Izbrannyje sochinenija: v 2 t. T. I. Stichotvorenija i poemy. [Selected works: in 2 vol. V. I. Poems and verses]. Moscow, 1955.
- [6] Mickewich Adam. Cizna morskaja (Shtil’); Alushta w nocy (Alushta nochju) // Fedotow Oleg. Sonet [Mickewich Adam. Calm; Alushta at night // Fedotow Oleg. Sonnet]. Moscow: Izdatelstvo RGGU, 2011, 601 p.
- [7] Bogdanovich Maksim. Poun. zb. tvorau: u 3 t. [Complete works: in 3 volumes]. Minsk: Bel. 2001. T. 2. 600 p.
- [8] Brjusov V. <Rec. na kn. Stichov:> Neledinskij Vl. Tomlenije ducha: Vólnyje sonety. Pg., 1916 // “Birževyje vedomosti” ot 9 sept., 1916 [Bryusov V. <rec. on: Neledinsky Vl. Languor of spirit: Free sonnets]. Petrograd, 1916 // “Stock sheets” from 9 September, 1916 .